

И . К У Ф Ф Е Л Ь

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО НИЛА СОРСКОГО В СВЕТЕ ПРОДОЛЖЕНИЯ ИСИХАСТСКОЙ ТРАДИЦИИ НА РУСИ

1. Проявление византийско-русских культурных взаимосвязей в жизни и творчестве Сорского безмолвника

Византийско-русские взаимосвязи — особенно в церковной сфере — в эпоху падения Константинополя были более интенсивными, чем можно было ожидать, учитывая политическую обстановку. Не только завоевание турками византийских и южнославянских территорий, но и программа московских великих князей, стремившихся к созданию автокефалии, а в будущем Московского царства и патриархата, казалось бы, должны были способствовать охлаждению в контактах русских и Византии. Но свидетельства сохранившихся письменных источников внушают явно противоположное впечатление.

Если рассматривать под таким углом биографию духовного вождя заволжских безмолвников, исследователю бросаются в глаза проявления близкой связи среды, в которой формировалась его личность, со Святогорской традицией. После своего пострига в Кирилло-Белозерском монастыре преподобный Нил стал учеником старца Паисия Ярославова, который подвизался в Спасо-Каменном монастыре, возрожденном еще при жизни преподобного Сергия святителем Дионисием Святогорцем, впоследствии поставленным на архиепископию Ростовскую преемником митрополита Киприана — святителем Фотием, уроженцем Византийской Монемасии. Архимандрит Макарий (Веретенников), вслед за А. С. Архангельским, предполагает, что именно автор «Сказания известна о начале Каменного монастыря, еже на озере Кубенском стоит, и о первоначальниках его» мог внушить основателю Нило-Сорской пустыни «предпочтение скитскому образу жизни» еще перед путешествием на Афон.¹ Тот же исследователь обращает внимание

---

¹ Архангельский А. С. Нил Сорский и Вассиан Патрикеев. Их литературные труды и идеи в Древней Руси: Историко-литературный очерк. СПб., 1882. Ч. 1. С. 17; Макарий (Ве-

на сборник-часослов с русско-греческим разговорником, который — как свидетельствует пометка — принадлежал старцу Паисию.² Г. М. Прохоров обращает внимание на рукопись первой половины XV в., определенную присутствующей в ней записью как «Сборник Паисиевской» (РГБ, ф. 304. I (собр. ТСЛ), № 748), в которую, между прочими житиями греческих исихастов более раннего периода, вошло житие и творения преподобного Григория Синаита.³ В Ниловом Монастырском Уставе, в этом самом важном из произведений древнерусского учителя исихазма, мы встречаем большое число имен классиков той же традиции. Ссылки на «Слова» основателя Парорийской пустыни присутствуют здесь чаще всего вместе с цитатами из поучений преподобных Исаака Сирина и Иоанна Лествичника, что вряд ли можно считать случайным.

Среди представителей белозерского монашества, имеющих непосредственные отношения с Византией, особенно видное место занимает игумен Кассиан, ученик и наследник преподобного Кирилла, который дважды был послан великим князем Василием II и митрополитом Ионой к константинопольскому патриарху.⁴ Именно он — впоследствии игумен Спасо-Каменного монастыря — принимал двадцатилетнего Николая Майкова, будущего старца Нила, в Кириллову обитель.⁵

Не менее важное значение для нашей темы имеют сведения о пребывании в Кирилло-Белозерском монастыре (приблизительно в 1462—1463 гг.) Пахомия Логофета, автора великолепных жизнеописаний новгородских и московских святых, собиравшего из первых рук материал для Жития основателя обители. Этот бывший афонский инок, который внедрял на Руси приемы плетения словес Тырновской школы, по предположению проф. Т. П. Леннгрен, руководил работой кирилловских писцов, одним из которых с большой вероятностью мог быть будущий составитель Сборника — трехтомного корпуса церковнославянских переводов житий греческих святых.⁶

Свидетельством непосредственного участия преподобного Нила в процессе перенесения византийско-греческой литературы на русскую почву является переведенная им с греческого языка Молитва Кирилла Иерусалимского об умерших, вошедшая в Синодики: Павло-Обнорского, Иосифо-Волоколамского монастырей и Московского Успенского собора, составленные в начале последней четверти XV столетия.⁷

ретенников), архим. Старец Паисий Ярослав // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. 2004. № 2 (16). С. 24.

² Макарий (Веретенников), архим. Старец Паисий Ярослав. С. 31.

³ Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения / Изд. подгот. Г. М. Прохоров, СПб., 2008. С. 16.

⁴ Макарий (Веретенников), архим. Старец Паисий Ярослав. С. 30.

⁵ Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. С. 12.

⁶ Леннгрен Т. П. Сборник Нила Сорского. М., 2000. Ч. 1. С. 15.

⁷ Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. С. 24.

2. *Монастырский Устав в одиннадцати главах как источник сведений о влиянии исихастской литературы и практики на монашество Руси второй половины XV в.*

Практика исихазма, называемая «деланием сердечным», «мысленным блюдением» и «умным хранением»,⁸ была поставлена Нилом в центре монашеской жизни. Она и есть сердцевина, цель и содержание монашеского подвига, а без нее всякая добродетель и старание теряют смысл. Ссылаясь на авторитет преподобного Симеона Нового Богослова — четвертого по числу ссылок из Святых Отцов, приводимых в *Уставе* (его имя мы встречаем по крайней мере не менее тринадцати раз) — древнерусский учитель исихазма признает, что обычно это «светородное делание (<...> от научения приходит». Как подтверждение приводятся слова преподобного Григория Синаита о «непрелестном наставнике», которого очень трудно обрести.⁹ Сорский старец, следуя поучениям древних исихастов, советует «искати люботрудне» таких именно наставников, но, считая свои времена оскудевшими в отношении духовной жизни и, следовательно, предполагая затруднения в реализации этого совета, также ищет выхода в их письменных наставлениях. В таком случае Святые Отцы повелевают «от Божественных писаний научатися».¹⁰

Создавая Монастырский Устав («От писаний святых отец о мысленном делании»),¹¹ старец Нил на самом деле исполняет это святоотеческое повеление, хотя у нас нет оснований подозревать, что в своем монашеском пути он был совсем лишен духовного окормления. Ведь даже еще до паломничества на Афон у него была возможность непосредственно поучаться умному деланию у «непрелестных наставников». Мы уже упоминали о старце Паисии Ярославове, игумене кирилло-белозерском Кассиане и иеромонахе Пахомии Логофете, с которыми он общался в первые годы своей монашеской жизни. Кроме них в это время на Белоозере подвизался еще один замечательный, по определению Г. М. Прохорова, воспитанник Кирилла, преподобный Мартиниан.¹² К сожалению, у нас не много сведений о более чем десятилетнем периоде, проведенном преподобным Нилом на Афоне и в других местах бывшей Византийской империи. Но даже на основании той скудной информации, которая до нас дошла, мы вправе предполагать, что преподобному Нилу дана была возможность поучиться исихазму у греческих последователей Григория Синаита и Паламы, о чем он сам пишет в Уставе: «И повсюду находятся в святых Писаниях похвалы безмолвию

---

⁸ «Устав» Нила Сорского // Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский. Сочинения. С. 96.

⁹ Там же. С. 100.

¹⁰ Там же. С. 102.

¹¹ Там же. С. 96.

¹² *Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский*. Сочинения. С. 13.

с одним или с двумя учениками, чему мы и сами свидетелями были в Святой Горе Афонской и в окрестностях Царьграда. И по иным местам много такого пребывания. Если найдется где-то духовный старец, имеющий учеников, одного или двух, и, если имеет потребность, иногда — третьего, и если какие-то поблизости безмолвствуют, в подходящее время приходя к старцу, они просвещаются беседами духовными». ¹³

Но все же кажется, что по каким-то причинам Нил не удостоился возможности быть более продолжительное время под руководством старца, опытного в умном делании. Этот недостаток был восполнен чтением святоотеческой литературы и духовной поддержкой собрата Иннокентия, с которым они вместе путешествовали, а после возвращения поселились сначала близ Кирилло-Белозерской обители, а впоследствии в пустыни на речке Соре:

«Мы же, новоначальные, неразумные, один от другого вразумляемся и укрепляемся, как написано: „Брат, когда ему помогает брат, — как град крепкий“ (*Притч. 18: 19*), — и имеем учителя необманчивого — божественные Писания. Потому нам кажется удобным пребывание с верными братьями, единомудренными в деле Божиим, с одним или двумя, чтобы, от святых Писаний воле Божией научаясь, если кому-то Бог подаст больше разуметь, брат брата назидал и друг другу помогал при нападениях бесов и терзаниях от страстей, как говорит святой Ефрем, и таким образом на благия дела благодатию Божией да направляемся». ¹⁴

3. Некоторые замечания об отношении *Соборника* к «внутреннему корпусу» сочинений и его значении в агиографической литературе Руси

Т. П. Леннгрен, осуществив превосходное издание трех частей агиографического переводного памятника конца XV — начала XVI в., обращает внимание на «непосредственную связь основных мировоззренческих положений, изложенных в работах „внутреннего корпуса“ Нила, с идейным содержанием житий *Соборника*». ¹⁵ Но и она во Введении к первой части задается вопросом, почему составитель полного годового комплекта Четых Миней включил в него только жития греческих подвижников, живших в первом тысячелетии христианства. По этой теме формируется несколько гипотез. ¹⁶ Это может показаться тем более странным, что в главном оригинальном сочинении Нила, Монастырском Уставе, среди почти трех десятков имен, связанных с тысячелетним периодом (IV—XIV вв.) (к которому, нелишне будет заметить, принадлежат соавторы Добролюбия Паисия Величковского), мы находим по крайней мере четырех Святых Отцов, преставившихся

¹³ «Устав» Нила Сорского. С. 199.

¹⁴ Там же.

¹⁵ *Леннгрен Т. П.* *Соборник Нила Сорского*. Ч. 1. С. 13.

¹⁶ Там же. С. 14.

позже X в.: Симеона Нового Богослова (†1022), Никиту Стифата (†1090), Петра Дамаскина (XII в.) и Григория Синаита (†1346).

Учитывая метод работы составителя Сборника, кроме перечисленных Т. П. Леннгрен мотивировок, мы можем предложить еще одну гипотетическую причину, не исключающую и другие. Мы знаем, что старец — как редактор, толкователь и копиист — осуществляя этот систематический труд, очень тщательно подходил к своему делу: не спешил и не переходил к новому предмету, не окончив начатого. Видимо, он решил полностью завершить работу над житиями подвижников патристического периода. У него несомненно было сознание принадлежности к цеху древнерусских книжников: они трудились не для себя, совместно, без соревнований и всяких претензий на большую славу. И как в отредактированных текстах житий непонятные места сорский агиограф оставлял для других, более сведущих по данной теме писцов,¹⁷ так и в деле составления Сборника он, вероятно, надеялся на продолжение наследниками начатого им труда. В каком-то смысле его ожидания оправдались более тридцати лет спустя, когда был завершен Софийский свод Великих Четых Миней митрополита Макария.¹⁸

Но и преподобный Нил в своем житийном труде имел в Московской Руси предшественников. Г. М. Прохоров, перелистывая один из так называемых «Паисиевских сборников» (РГБ, ф. 304. I (собр. ТСЛ), № 764. Сборник четых материалов на июнь), нашел в нем Житие Петра Афонского с весьма интересным фрагментом текста, обличающим монахов — стяжателей земных богатств.¹⁹ Эти же слова Николая Монаха как мотивировку для написанного им в X в. жизнеописания основоположника Святогорского монастыря мы обнаруживаем и в «Житии преподобного Петра Афонского», вошедшем в существенную в Нило-Сорском скиту первую часть Сборника.²⁰ Ее же завершает «Житие преподобного Паисия Великого», которое, кстати, открывает другую рукопись с агиографическим содержанием: «Сборник Паисию старцу Сергеева монастыря» — переписанную иеромонахом Макарием для будущего духовного отца преподобного Нила в 1445 г.²¹

4. Символ возрождения православного монашества

Авторитет основоположника Нило-Сорской пустыни среди его современников не подлежит сомнению. Его приглашали на два Московских собора, 1490 г. (участвовал вместе со своим учителем старцем Паисием)²² и 1503 г. (вместе с учеником Вассианом Патрикеевым),²³ на которых он высказывался

¹⁷ Предисловие и Послесловие Нила Сорского к его Сборнику: *Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский*. Сочинения. С. 255.

¹⁸ *Леннгрен Т. П.* Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 12.

¹⁹ *Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский*. Сочинения. С. 17—18.

²⁰ *Леннгрен Т. П.* Сборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 258—259.

²¹ *Макарий (Веретенников)*, архим. Старец Паисий Ярослав. С. 32.

²² Там же. С. 28.

²³ *Пиккио Р.* История древнерусской литературы / Пер. И. Дергачевой, Е. Лившиц, Г. Яковенко. М., 2002. С. 195—196.

относительно еретиков и монастырских землевладений. Святой Нил также принимал участие в работе над «Просветителем» Иосифа Волоцкого;²⁴ кстати, учеником последнего, Нилом Полевым, был передан автограф Соборника в Волоколамскую обитель,²⁵ где впоследствии его дополнили.²⁶

Для заволжских нестяжателей преподобный Нил был духовным руководителем, учение которого не подлежало сомнению. Вассиан Патрикеев защищал его агиографические труды от упреков вождя иосифлянства по поводу критического подхода к аспекту чудотворений.²⁷ Максима Грека соединяют с преподобным Нилом «нестяжательные воззрения», хотя у каждого из них проявляется индивидуальный подход к этому вопросу, связанный с различием исторической обстановки.²⁸ У обоих подвижников находим свидетельства о скитском виде монашеской жизни на Афоне и особенно высокую оценку безмолвия.²⁹

В новую, постренессансную эпоху просвещения в традиционно православных странах, Молдаво-Влахийском княжестве и Российской империи, учение преподобного Нила вдохновляло движение религиозного возрождения, которое в науке принято называть «неоисихазмом». Независимо от того, будем ли, как Г. М. Прохоров, считать автором «Надсловия» и «Пристежения» к Преданию и Монастырскому Уставу сподвижника преподобного Нила — Иннокентия Комельского, или же, вслед за М. Боровковой-Майковой³⁰ и отцом Иоанником (в схеме Иоанном) Абернетти,³¹ атрибутируем их старцу Василию Поляномерульскому, все-таки придется нам признать, что Сорский безмолвник был выдвинут как монашеский идеал в приграничных, молдаво-волошских и карпаторусских, скитах второй половины XVIII в. Продолжателем этой же традиции — в области монашеского идеала, молитвы и книжной деятельности — был ученик старца Василия, преподобный Паисий Величковский, принужденный христианским состраданием и княжеской властью, вопреки своим наклонностям, стать руководителем Нямецкого и Секульского общежитительных монастырей, вместо того чтобы следовать, по примеру своих учителей, по скитскому, т. е. «царско-

²⁴ *Преподобные Нил Сорский и Иннокентий Комельский*. Сочинения. С. 36—37.

²⁵ Там же. С. 39—40.

²⁶ *Леннгрэн Т. П.* Соборник Нила Сорского. Ч. 1. С. 17.

²⁷ Там же. С. 17—18.

²⁸ *Синицына Н. В.* Максим Грек в России. М., 1977. С. 215.

²⁹ У преподобного Нила: обе темы (см. примеч. 11); у преподобного Максима: относительно трех видов святогорской монашеской жизни (см.: Сказание об Афонских монастырях в Кормчей старца Вассиана // *Преподобный Максим Грек*. Сочинения. М., 2008. Т. 1. С. 341—342); относительно безмолвия (*Преподобный Максим Грек*. Послание к некоему желающему отречься мира... // *Преподобный Максим Грек*. Духовно-нравственные слова. Сергиев Посад, 2008. С. 207—208).

³⁰ *Боровкова-Майкова М.* Нил Сорский и Паисий Величковский // Сборник статей, посвященных С. Ф. Платонову. СПб., 1911. С. 7—8.

³¹ Elder Basil of Poliana Marului (1692—1767). His life and writings / Translated into English with Introduction and Notes by A Monk of the Brotherhood of Prophet Elias Skete — Mount Athos. Liberty, 1996. P. 32.

му», пути. Но своим решением покинуть мир и самим желаемым монашеским идеалом, как позже засвидетельствовали ученики в его жизнеописании, он обязан вологодскому нестяжателю и общему с ним кругу святоотеческой литературы. Когда схиархимандрит Паисий в автобиографии определяет свой монашеский идеал, ссылаясь на Симеона Нового Богослова, то на самом деле мы ощущаем тождество его идей и формулировок с «Монастырским Уставом» Нила Сорского: «(...) твердое в душах наших восприяхом намерение изыти и от отечества нашего и негде в пустынном и безмолвнем месте, обретше наставника душ наших искуснаго, предати себе ему в повиновение, и по времени приличнем от него постригшеся, пребывати с ним и друг со другом до последнего своего издыхания неразлучне во иночестей нищете и скудости нуждных потреб, и всяком спасения ради душ наших в злострадании нуждную монашескую пищу и одежду от праведного труда рук своих стяжаваше».³²

Первая переписанная преподобным Паисием церковнославянская книга — еще в Малороссийском монастыре близ Любеча — это *Лествица* Иоанна Синайского,³³ новый перевод которой с греческого осуществлен был впоследствии во втором румынском периоде его деятельности. Стоит сопоставить эти сведения с «Монастырским Уставом», в котором мы намечаем не менее двадцати четырех ссылок на этот популярнейший в Московской Руси учебник исихазма. В жизнеописании молдавского старца, для того чтобы отметить начало Паисиевской общины, приводится его поучение, данное на Афоне первому ученику Виссариону, когда — через три месяца после своего пострижения в мантию схимонахом Василием — старец снова обращается к словам преподобного Симеона Нового Богослова, как к источнику учения о духовном руководстве, а затем уже непосредственно цитирует Устав Нила Сорского, обогащая его собственным толкованием: «...Богоносный отец наш, российское светило, Нил Сорский, вся сия со многим опасством в Божественных Писаниях рассмотрев, и бедствие времен сих и нынешнее человеческое нерадение виде, во своем на книгу предисловии советует ревнителем, глаголя сице: „Подобает притрудне искати непрелестна наставника: не обретшуся же ему, повелеша нам, — глаголет, — святии отцы от Божественных Писаний и богоносных отец учения научатися, слышаще самого Господа, глаголюща: испытайте писания, и в них обрящете живот вечный“ (*Иоан. 5: 39*). И аще сей Святой сия глаголет точию о умнем делании, то кольми паче о душевнем от всех злых страстей избавлении и на путь прав делания заповедей Божиих наставлении нужна обрести искусна делателя и непрелестна. Отсюду убо крайняя нам, брате, нужда Божественным и отеческим писанием со мною печалию, и со многими слезами день и ночь поучатся, и с тождемыслящи-

³² *Tachiaos A.-E. N.* The revival of byzantyne mysticism among Slavs and Romanians in the XVIII century. Texts relating to the life and activity of Paisie Velichkovsky (1722—1794). Tesaloniki, 1986. P. 11.

³³ *Ibid.* P. 31.

ми ревнители, старейшими отцы, советующеся, наставлятися на заповеди Божия, и на делания святых отец наших. И тако милостию Христовою и принуждением нашим можем спасение получитьи».³⁴

Среди переведенных Паисием авторов Добротолюбия (изданного в Москве в двух книгах: в 1793 и 1799 гг.) мы встречаем одиннадцать имен святых отцов, на которых ссылается преподобный Нил в своем Уставе. Нет, правда, среди них Исаака Сирина, поучения которого использованы Нилом не менее двадцати пяти раз, но ведь превосходный перевод творений исихаста VII века был закончен преподобным Паисием в 1787 г. и послужил основой издания Оптиной Пустыни (1847 г.). О превосходстве Паисиевского перевода творений Исаака Сирина высказывались Иван Киреевский и Константин Леонтьев.³⁵

Заканчивая этот далеко не полный перечень точек соприкосновения творческих линий двух незаурядных русских книжников-исихастов разных времен, на которые уже давно обратили внимание исследователи,³⁶ следует одновременно подчеркнуть более широкую деятельность Нямецкого схииерхимандрита в литературной области. Обращая взор к составу «Рукописной Библиотеки Паисия и его учеников» (по описанию А. Яцимирского), в которой, между прочими памятниками, количеством около трехсот (точнее, 276), главным образом XVIII столетия, присутствует шесть экземпляров «Предания ученикам» в отдельных книгах и два в составе сборников,³⁷ — мы убеждаемся в том, что, следуя примеру и советам Нила Сорского, он не только возродил и продолжил традицию древнерусского безмолвия в таком виде, в каком она была приостановлена, но одновременно творчески дополнил ее сокровищами святоотеческого наследия, до тех пор неизвестными на Руси. Среди особенно важных, но почти незнакомых московской книжности византийских исихастов оказались писатели паламитского круга, которым Паисий Величковский уделял особое внимание в своей переводческой деятельности. Сознывая грандиозность темы и океан материала для исследователей, обращу только внимание на семь рукописей с отдельными сочинениями архиепископа Фессалоникийского в упомянутом, далеко не полном каталоге рукописного наследия старца Паисия: «Послание к монахине Ксении о безмолвствующих»; «Слова указательны»; «Трактат о Святой Троице» и «Слово о иудеях».³⁸

---

³⁴ Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского с присовокуплением предисловий на книги Св. Григория Синайского, Филофея Синайского, Исихия Пресвитера и Нила Сорского, сочиненных другом его и спостником, Старцем Василием Поляномерульским. М., 1892. С. 39.

³⁵ Поляков А. Схииерхимандрит Паисий Величковский и его литературная деятельность: Дис. ... магистра богословия. Л., 1957. С. 373—375 (машинопись).

³⁶ См., например: Боровкова-Майкова М. Нил Сорский и Паисий Величковский.

³⁷ Яцимирский А. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905. С. 568—569, 576.

³⁸ Там же. С. 558.